633.3(253)
T70

БИБЛІОТЕКА
ТОБОЛЬСКАГО ГУБЕРНСКАГО МУЗЕЯ.
3132.
27 4/74

27 4/74

На домъ не выдается.

Постановленіе Общаго Собранія отъ 10 февраля 1916 г.

2132.

57

9(47)
0-21.

НАРОДНОЕ

ЧТЕНІЕ.

КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОСТАВЛЕННАЯ

А. ОБОЛОНСКИМЪ И Г. ЩЕРБАЧЕВЫМЪ.

Библиотека Тобольского
Гос. Музея инв. № 12318

84

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

—

1859.

ПЕЧАТАТЬ ДОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
С. Петербургъ, 15 Февраля 1859 года.

Цензоръ В. Бекетовъ.

Печатано въ типографіи П. А. Кулиша,
на углу Вознесенск. и Екатерингофск. проспектовъ, въ домѣ Лея.

63.3(253)+63,3(2)-8 Ермак
Т-70

Троицкий И.

АТАМАНЪ КНЯЗЬ ЕРМАКЪ ТИМОѲЕЕВИЧЪ.

Лѣтъ сотни три тому назадъ, было наше русское царство гораздо меньше нынѣшняго. Въ то время царствовалъ у насъ на Руси Царь и великій князь, Иванъ Васильевичъ по прозванью Грозный. Въ началѣ царствованія Царя Грознаго, царство казанское, царство астраханское и всѣ земли въ низовьяхъ рѣки Волги и рѣки Дона, находились подъ властью татарскою. Вѣра у всѣхъ татаръ была магометанская и всѣ эти земли считались подъ покровительствомъ султана турецкаго.

Въ то время, войны московскихъ государей съ царями татарскими были частыя, и земли наши русскія жестоко были разоряемы хищными татарами, а пограничныя селенія и города наши чаще другихъ, опустошались и сожигались басурманами, и христіане, попадавшіе въ плѣнъ къ татарамъ, или бывали убиваемы, или обращались въ тяжелую, вѣчную неволю, и выставлялись для продажи на базарахъ турецкихъ.

Частыя нашествія и грабежи татарскіе были

причиною, что близкія къ границамъ татарскимъ плодоносныя русскія земли мало населялись мирными хлѣбопашцами, а жили въ то время по берегамъ Волги и Дона, въ сосѣдствѣ съ татарами, только одни отважные, неутомимые въ бояхъ выходцы русскіе, презиравшіе опасности военныя и нестрашившіеся набѣговъ татарскихъ. Эти выходцы, собиравшіеся съ разныхъ концевъ земли русской, назывались козаками.

Козаки строили на границахъ татарскихъ укрѣпленія, защищали земли русскія, и служили для Россіи первою обороною и вѣрнѣйшимъ оплотомъ противъ враговъ Христіанства. Козаки исповѣдывали вѣру православную и говорили языкомъ русскимъ. Жили тогда козаки, на берегахъ Волги и Дона, по своимъ старымъ правиламъ, широко и привольно. Козаки сами для себя избирали главныхъ начальниковъ или атамановъ; слушались атамановъ своихъ, но всѣ большія дѣла, касавшіяся до всего войска козацкаго, рѣшали козаки міромъ, на общемъ сходбищѣ; и какъ что́ рѣшать, бывало, козаки на мірской сходкѣ, такъ то́ и исполнялось всѣмъ козачествомъ и самими атаманами безпрекословно. Не знали козаки, въ тѣ старые годы, что такое — пашпортъ, и у храбраго молодца, приходившаго на Донъ и желавшаго пристать къ славному товариществу козацкому, никто, никогда не допрашивалъ: «кто онъ? и откуда?» а говаривали Донцы новому товарищу просто: «будь вѣренъ, соблюдай крѣпко наши

уставы козацкіе, и будешь нашимъ братомъ и будетъ твоя доля со всѣми равная.»

Любовь Донцовъ къ заведеннымъ своимъ порядкамъ была великая и дружество между ими было большое, а удальство и молодечество козацкія были такія, что не только сосѣдніе татары, но и самъ Турецкій Султанъ изрядно ихъ побаивался, даромъ, что тогдашній турецкій султанъ былъ и войскомъ и казною не въ примѣръ богаче нынѣшняго.

Съ сосѣдями своими, татарами казанскими и астраханскими, воевали донскіе козаки часто, и за всякое нападеніе на землю русскую, отплачивали татарамъ съ лихвою. Много разъ, для остраски нехристямъ, спускались смѣлые Донцы въ малыхъ лодочкахъ, внизъ по рѣкѣ Дону въ море Азовское, разбивали жгли и топили корабли турецкіе, разоряли селенія и города татарскіе. Страшное своими бурями Черное море, не всегда могло остановить удалыхъ донскихъ козаковъ. Часто, на тѣхъ же малыхъ лодочкахъ, безстрашно выплывали Донцы изъ моря Азовскаго, на середину моря Чернаго, подходили къ берегамъ кавказкимъ и турецкимъ, опустошали прибрежныя мѣстечки и города турецкіе, наводили ужасъ на гордаго султана турецкаго, на столицу его, городъ Константинополь, и нерѣдко, съ богатою добычею и съ великою воинскою славою, благополучно возвращались въ свои вольныя станицы, на берега роднаго Дона.

Въ началѣ своего царствованія, царь Иванъ Васильевичъ Грозный задумалъ разомъ наказать татаръ, за ихъ грабежи и за частое опустошеніе земли русской, задумалъ царь Грозный навсегда покорить подъ свою державу царство казанское и царство астраханское. Съ большою ратною силою вышелъ Грозный изъ Москвы и подступилъ къ стѣнамъ столицы казанскаго царства, къ городу Казани.

Храбро бились татары, защищая свою столицу, но еще храбрѣе нападали русскіе на враговъ своихъ; много было пролито христіанской крови, подъ стѣнами казанскими, много тамъ легло православныхъ воиновъ, но не смотря на отчаянную защиту татаръ, сильная крѣпость Казань была взята приступомъ, въ воскресенье, октября 2-го дня 1552 года.

Вслѣдъ за покореніемъ царства казанскаго, присоединилъ царь Иванъ Грозный къ державѣ русской и царство астраханское (1556 г.) Въ оба города: Казань и Астрахань, были посланы изъ Москвы воеводы царскіе, и завелись на мѣсто татарскихъ царствъ, вплоть до горъ Уральскихъ и моря Каспійскаго, порядки московскіе.

Много принесло славы царю Ивану Грозному, покореніе Казани и Астрахани, много выгодъ получилъ народъ русскій, открывъ себѣ свободный, торговый путь по рѣкѣ Волгѣ и по морю Каспійскому; но не меньше того славы, не меньше того выгоды, принесло Россіи покореніе царства

сибирскаго. Присоединеніемъ царства сибирскаго, раздвинулась держава русская за горы Уральскія до моря Камчатскаго и до границъ китайскихъ. Пріобрѣлъ русскій народъ въ Сибири: земли обширныя, воды обильныя рыбою, лѣса вѣковые и въ нихъ пушные звѣри безчисленные; горы богатыя мѣдью, серебромъ, золотомъ и каменьями драгоцѣнными. Свершилось покореніе царства сибирскаго безъ вѣдома (1) царя Грознаго, самодержавнаго, и не стоило оно государю Ивану Васильевичу, ни убытковъ въ казнѣ, ни потери въ людяхъ ратныхъ, а поклонился народу русскому царствомъ сибирскимъ, не боярскаго какого нибудь знатнаго рода воинъ, а отъ простыхъ людей родомъ, ремесломъ донской козакъ, Ермакъ Тимоѳеевичъ.

Всякій бывалый русскій человѣкъ, не разъ слыхивалъ, про славнаго витязя Ермака Тимоѳеевича и про храбрую его дружину, а въ Сибири, каждый поселянинъ твердо знаетъ имя храбраго атамана донскихъ козаковъ Ермака Тимоѳеевича, и передаетъ, изъ рода въ родъ, разсказы о славныхъ подвигахъ отважнаго покорителя царства сибирскаго.

О родителяхъ Ермака Тимоѳеевича разсказывали старики слѣдующее: дѣдъ Ермака Тимоѳеевича — Ѳанасій занимался извозомъ въ лѣсахъ му-

---

(1) Карамзинъ т. IX глава VI стр. 226, 5-ое изданіе Эннерлинга.

ромскихъ, и потомъ за какую-то вину былъ Аѳанасій посаженъ въ тюрьму (въ городѣ Владимірѣ); сидѣлъ онъ въ той тюрьмѣ долго ли, коротко ли, — неизвѣстно: потомъ ушелъ изъ тюрьмы и, взявъ съ собою жену и дѣтей, бѣжалъ изъ Владиміра въ костромскую губернію, въ уѣздъ юрьевецъ-повольской. Отецъ же Ермака Тимоѳеевича, Тимоѳей Аѳанасьевичъ отъ скудости своей, переѣхалъ на житье въ пермскую губернію, на рѣку Чусовую, гдѣ занимался хлѣбопашествомъ, и по мѣсту своего прежняго жительства получилъ прозванье — Повольскій.

У Тимоѳея Повольскаго, говорятъ, было три сына: Гаврила, Фролъ да Василій.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сохранилось и по-нынѣ, а въ то время, повсемѣстно на Руси было обыкновеніе такое, чтобы всякому человѣку, вмѣсто имени даннаго при святомъ крещеніи, давать еще особое прозвище, которое отличало бы его отъ другихъ тёзокъ и приходилось къ нему ловко.

Разсказываютъ, что младшій сынъ Тимоѳея Повольскаго, — Василій, началъ ходить на баркахъ еще въ очень молодыхъ лѣтахъ. Товарищи Василія, жалѣя его молодость, не заставляли его тянуть лямку или работать веслами, а пріискали ему службу полегче и назначили его кашеваромъ. Молодой Василій варилъ для товарищей пищу и, по должности своей, цѣлый день возился около тагана. Таганъ, на которомъ готовилось кушанье, назывался у барочниковъ ермакомъ, а потому то-

варищи и далп молодому Василію прозваніе Ермакъ.

Ермакъ Тимоѳеевичъ былъ роста высокаго, въ плечахъ широкъ: лицо имѣлъ благообразное: волосы темные, кудрявые: бороду черную: глаза свѣтлые и быстрые; на словахъ былъ рѣчистъ; ума былъ великаго, а смѣтливость и отвагу имѣлъ всѣмъ на диковину. Короче сказать, Ермакъ Тимоѳеевичъ былъ молодецъ-молодцомъ: красавецъ, что называется писаный и силу имѣлъ богатырскую.

Непзвѣстно въ точности, когда Ермакъ Тимоѳеевичъ бросилъ свое ремесло барочное и пристадъ къ войску козацкому, но послѣ покоренія царства астраханскаго, имена ермаковыхъ товарищей уже встрѣчаются въ числѣ храбрыхъ атамановъ козацкихъ: въ то же время и земли донскихъ казаковъ, бывшія прежде на границахъ русскихъ, вошли въ середину предѣловъ царства русскаго. Жизнь козацкая, привольная да разгульная, не подъ стать пришлась порядкамъ строгимъ Царя Грознаго. Пересталъ Царь Иванъ Грозный козаковъ своею прежнею милостью жаловать, а когда дошло до него, въ Москву, извѣстіе, что остановили козаки и захватили въ полонъ посла персидскаго со свитою, разсердился тогда Царь Иванъ Васильевичъ не на шутку. Не даромъ прозывался Иванъ Васильевичъ царемъ Грознымъ, гнѣвъ его былъ страшенъ, и отъ мести его мало кто отвертывался.

Какъ только услыхалъ Царь Иванъ Васильевичъ про своевольство козацкое, такъ тотчасъ же и послалъ изъ Москвы воеводъ съ сильнымъ войскомъ, и отдалъ воеводамъ приказы строгіе, чтобъ унять, усмирить вольницу донскую, а атамановъ козацкихъ перевѣшать всѣхъ до единаго.

Трудно было устоять козакамъ противъ силы царя московскаго, но и разстаться со своею жизнью свободною имъ не хотѣлось; не хотѣлось козакамъ выдать воеводамъ на казнь постыдную и своихъ атамановъ любезныхъ, козацкимъ міромъ избранныхъ и служившихъ своимъ товарищамъ вѣрой и правдой, по всѣмъ старымъ обычаямъ козацкимъ. Долго укрывались козаки отъ войскъ Царя Грознаго, много потеряли народу въ битвахъ неравныхъ; пріуныли веселыя станицы козацкія и не придумаютъ козаки ничего, что имъ въ такой бѣдѣ и въ такомъ горѣ, дѣлать надобно. Пришлось козакамъ отъ московскихъ воеводъ круто. Узнается душа человѣка при несчастьи. Не велика штука быть человѣку смѣлымъ да находчивымъ, когда все ему везетъ и все ему удается. Нѣтъ, когда пристигнетъ человѣка горе, когда всевозможныя напасти вдругъ обрушатся надъ его головою, когда вотъ всѣмъ такъ и кажется, что нѣтъ тому человѣку нигдѣ ни выхода, ни спасенія: вотъ въ этомъ-то горѣ, вотъ въ этомъ несчастіи и можно узнать силу души человѣческой.

Окружили воеводы московскіе донскихъ козаковъ, угрожала козакамъ и атаманамъ грозная

опала царская, немилучая; призадумались и опечалились козаки самые храбрые, одинъ только атаманъ Ермакъ Тимоѳеевичъ умомъ не потерялся, и одинъ, своею догадкою, выручилъ изъ бѣды всѣхъ своихъ товарищей вѣрныхъ.

Разсудилъ о той бѣдѣ Ермакъ Тимоѳеевичъ толкомъ, что жить козакамъ среди московскимъ земель. по старымъ вольнымъ правиламъ больше не приходится; не приходится также — козакамъ воевать и со своими братьями, русскими, единовѣрными: вотъ и придумалъ Ермакъ Тимоѳеевичъ удалиться со своими товарищами, въ сторону новую, отдаленную, гдѣ бы снова можно было свою удаль козацкую употребить на пользу козаковъ — товарищей и во славу всего народа русскаго.

Слыхалъ Ермакъ Тимоѳеевичъ про страну дальнюю сибирскую, про народы въ ней тогда живши, необразованные. Онъ слыхалъ, что не знаютъ народы сибирскіе ни пороха, ни снаряда ружейнаго; что ведутъ они жизнь бродячую, дикую; что нѣтъ между ними, ни дружества, ни согласія. Разсчиталъ Ермакъ Тимоѳеевичъ, что управиться съ такими народами дѣло нетрудное, и задумалъ онъ идти съ козаками въ походъ за горы Уральскія, покорить подъ власть царя Грознаго царство сибирское, поклониться Царю Грозному новымъ царствомъ, обратить страшный гнѣвъ царя самодержавнаго на милость велику, и заслужить, вмѣсто казни и суда, — слово похвальное.

Созвалъ Ермакъ Тимоѳеевичъ козаковъ-това-

рищей и сказалъ имъ просто-на-просто, что надо козакамъ или разстаться со своею жизнью привольною, или удалиться въ мѣста отдаленныя. Разобралъ Ермакъ Тимоѳеевичъ все дѣло до тонкости и предложилъ козакамъ идти войной на султана сибирскаго, покорить его царство богатое, заслужить милость Царя Грознаго, и прославить имя русское.

Согласились на умныя рѣчи Ермака Тимоѳеевича, сперва атаманы козацкіе: Иванъ Кольцо, Иванъ Гроза, Никита Панъ, Яковъ Михайловъ и Матвей Мещерякъ; а вслѣдъ за атаманами согласились идти въ походъ на Сибирь и всѣ козаки. Главнымъ своимъ начальникамъ, на весь походъ старшимъ козачьимъ атаманомъ, избрали казаки, всему дѣлу зачинщика, самого Ермака Тимоѳеевича.

А было всѣхъ козаковъ, рѣшившихся идти войной на Сибирь пять сотъ сорокъ человѣкъ, и рѣшенъ этотъ походъ въ станицѣ ермаковой, а была въ то время станица Ермака Тимоѳеевича, на небольшой рѣчкѣ Камышенкѣ, впадающей въ Волгу, между городами Царицынома и Саратовомъ.

О началѣ того дѣла, какъ задумали козаки идти войной на далекую Сибирь, сложена была козаками и до сихъ поръ поется въ народѣ русскомъ вотъ какая пѣсенка.

Какъ на Волгѣ да на Камышенкѣ,
Козаки живутъ люди вольные,
Былъ у козаковъ атаманушка,
Ермакомъ звали Тимоѳеевичемъ.

Не злата труба вострубила имъ,
Не она звонко взговорила рѣчь.
Взговорилъ Ермакъ Тимоѳеевичъ:
«Казаки, братцы, вы послушайте,
«Да мнѣ думушку попридумайте,
«Какъ проходитъ ужь лѣто теплое,
«Наступаетъ зима холодная, —
«Куда-жь, братцы, мы зимовать пойдемъ?
«Въ Астрахани жить нельзя,
«Намъ на Волгѣ жить, все ворами слыть!
«На Яикъ идти?—переходъ великъ!
«На Казань идти?—Грозенъ Царь стоитъ,
«Грозенъ Царь, Государь Иванъ Васильевичъ!
«Онъ на насъ послалъ рать великую,
«Рать великую въ сорокъ тысячей!
«Такъ пойдемте-жь мы да возьмемъ Сибирь!
«Покоримся мы Царю Бѣлому,
«Царю Бѣлому, Православному,
«Мы снесемъ къ нему свои головы,
«Свои головы, — все повинныя.

Пять сотъ сорокъ человѣкъ удальцовъ, рѣшаются идти въ сторону дальнюю, мало извѣстную, на покореніе обширнаго царства сибирскаго. Надо теперь поприпомнить, чѣмъ была Сибирь триста лѣтъ тому назадъ, какіе народы въ ней жили, и почему Ермакъ Тимоѳеевичъ, могъ расчитывать на успѣхъ своихъ смѣлыхъ замысловъ.

Слово Сибирь или по старинному Ибиссибуръ,

означало страну, въ которой запрягаютъ въ сани собакъ. Триста лѣтъ тому назадъ, страна, называвшаяся Сибирью была русскому народу весьма мало знакома. Въ то время, когда Царь Иванъ Васильевичъ Грозный покорилъ царство казанское, въ то время княжилъ въ сторонѣ сибирской и проживалъ въ городѣ Сибири князь Едигеръ. Подданные князя Едигера назывались Остяками и Вогуличами; они жили по берегамъ рѣкъ: Иртыша и Тобола, занимались хлѣбопашествомъ и держали много домашняго скота. Для прокормленія своихъ стадъ, Остяки и Вогуличи часто переходили съ мѣста на мѣсто, имѣя однакожъ и постоянныя становища или городки, возлѣ которыхъ Остяки и Вогуличи пахали и засѣвали землю, и въ которые они каждую осень возвращались, для уборка съ полей, созрѣвшаго хлѣба. Земля у Вогуличей и Остяковъ, жившихъ по рѣкамъ Иртышу и Тоболу, была плодородная и доставляла ежегодно богатую жатву.

Къ сѣверу отъ Остяковъ и Вогуличей едигеровыхъ. жили въ лѣсахъ отдѣльными семействами, тоже Остяки и Вогуличи, а также Югричи, Тахчеи и другіе разрозненные народы сибирскіе. Земли у этихъ сѣверныхъ азіатскихъ жителей были мало плодородны, а потому всѣ эти народы, занимались въ лѣсахъ звѣринымъ промысломъ, а въ рѣкахъ рыболовствомъ; жили они въ дряныхъ шалашахъ. о городахъ и о хлѣбопашествѣ не имѣли никакого понятія: ружей и пороха не знали, а

били звѣрей на охотѣ и сражались на войнѣ стрѣлами, да копьями.

На самомъ сѣверѣ страны сибирской, около береговъ Ледовитаго океана, обитали Самоѣды, народъ еще болѣе грубый и необразованный, чѣмъ Остяки и Вогулячи. Самоѣды держали большіе стада оленей, одѣвались въ звѣриныя шкуры; ѣздили на собакахъ и на оленяхъ; вели жизнь бродячую; жили бѣдно и неопрятно; ни дружества между собою, ни общаго начальства не имѣли.

Всѣ эти сибирскіе народы, Остяки, Вогулячи и Самоѣды, были язычники, не вѣровали въ Единаго Истиннаго Бога, а поклонялись различнымъ идоламъ, сами выдѣлывая себѣ божковъ, или изъ дерева, или изъ камня. Понятія сибирскихъ язычниковъ о Божествѣ были самыя несообразныя и глупыя. Когда язычникъ хотѣлъ умилостивить своего идола, тогда, въ знакъ особеннаго къ нему уваженія, намазывалъ деревянному или каменному божку, губы сметаной или говяжьимъ жиромъ; когда же идолопоклонникъ гнѣвался за что нибудь на своего божка, тогда безъ дальнѣйшихъ околичностей, бросалъ идола наземь и полосовалъ его плетью.

На югъ отъ города Сибири жили Ногайцы и Киргизъ-Кайсаки, раздѣлявшіеся на нѣсколько различныхъ племенъ, изъ коихъ каждое управлялось своимъ особымъ начальникомъ или князькомъ. Ногайскіе татары и Киргизы, не поклонялись идоламъ, они признавали Единаго Бога и едина-

го пророка Магомета, значитъ, имѣли вѣру магометанскую. Ногайцы и Киргизы занимались скотоводствомъ, домовъ не строили. а проживали въ кибиткахъ и бродили по степямъ и лугамъ вмѣстѣ со своими стадами и табунами.

Вотъ какіе народы обитали въ Сибири триста лѣтъ тому назадъ.

Слухъ о покореніи царства казанскаго и царства астраханскаго дошелъ и до сибирскаго князя Едигера. Услыхавъ про силу Царя Ивана Грознаго, Едигеръ отправилъ въ Москву пословъ съ дарами, просилъ покровительства русскаго и обѣщался платить Царю Грозному ежегодную дань звѣриными шкурами: а именно: по одному соболю и по одной бѣлкѣ съ человѣка. Всѣхъ своихъ подданныхъ Едигеръ обозначилъ числомъ тридцать тысячъ семь сотъ человѣкъ. но сколько ихъ было доподлинно, опредѣлить трудно. Желая платить меньше дани, Едигеръ навѣрное уменьшилъ число своихъ подданныхъ, а повѣрять его было некому. Едигеръ боялся нападеній Ногайцевъ и Киргизъ-Кайсаковъ и боялся не напрасно.

Въ бытность Едигера княземъ сибирскимъ, воцарился надъ Ногайцами новый султанъ татарской, по имени Кучумъ, сынъ бывшаго султана Муртазы. Кучумъ Муртазенчъ, подвигаясь съ кибитками своими и съ народомъ своимъ, вдоль по берегу рѣки Иртыша (тобольской губерніи), немного не доходя до устья рѣки Тобола. встрѣтилъ столицу Едигерова царства, городъ Сибирь. Ку-

чумъ Муртазепчъ напалъ на Едигера, побѣдилъ его, и взялъ столицу его, городъ Сибирь. Сдѣлавшись султаномъ сибирскимъ, Кучумъ началъ приводить въ свое подданство всѣхъ жителей сибирскихъ и распространять въ Сибири вѣру магометанскую. Кучумъ строго запретилъ своимъ подданнымъ платить дань Царю Ивану Грозному, не посылалъ въ Москву ни пословъ, ни даровъ, и сверхъ того, самъ со своими татарами, много разъ тревожилъ наши границы русскія, и разорялъ наши селенія и города пограничные.

Вотъ противъ какого султана сердитаго собирался идти войной атаманъ Ермакъ Тимоѳеевичъ съ товарищами.

Козаки не любили мѣшкать и откладывать задуманное дѣло со дня на день. Рѣшившись разъ идти войной на Сибирь, они живо стали собираться въ походъ,

Въ то старое время, часто случались въ русскомъ царствѣ большія неурядицы, а потому между козаками было много людей бывалыхъ, мыкавшихъ свое горе по бѣлому свѣту и искавшихъ въ жизни козацкой, спасенія отъ неправды земской. Между козаками были и молодцы, побывавшіе въ разныхъ земляхъ, а также и въ странахъ сибирскихъ; стало быть, козаки лучше другихъ людей московскихъ могли узнать, что за царство было сибирское и что за народы жили въ Сибири. О томъ,

что сибирскіе народы въ военной наукѣ были плохи, козаки знали, а сколько было сибирскаго народа счетомъ, о томъ козаки знать не могли. да и правду сказать, не очень безпокоились и знать. Ермакъ Тимоѳеевичъ, зная, что ловчѣе всего было отправиться въ походъ водою, приказалъ козакамъ заготовить большія лодки. Атаманъ хорошо понималъ, что козакамъ предстоитъ пути и работы не на одинъ мѣсяцъ, а потому старательно приготовлялъ на походъ продовольствіе и разные дорожные запасы. Дружно работали козаки, работа у нихъ кипѣла. Сработавши и спустивши лодки на воду, козаки нагрузили на нихъ походный провіантъ, размѣстили на лодки порохъ, свинецъ, и взявъ съ собою все свое оружіе, сабли и ружья, простились козаки со своими станицами привольными, сѣли въ лодки и, помолясь Богу, отправились изъ рѣчки Камышенки вверхъ по Волгѣ. Лодки шли вверхъ по рѣкѣ бичевою, а бичеву тянули взятыя нарочно для того лошади.

Всѣ свои приготовленія и самый отъѣздъ козаки, по приказанію Ермака Тимоѳеевича, сохраняли въ большой тайнѣ; опасался атаманъ, чтобы не провѣдали воеводы московскіе козацкаго замысла и не пустились за козаками въ погоню, для исполненія строгихъ приказовъ государевыхъ. Козаки были не бабы, на языкъ были крѣпки. ни одинъ изъ нихъ не проболтался, и воеводы московскіе, караулившіе Ермака не узнали ничего.

Поднявшись вверхъ по Волгѣ, козаки по-

воротили въ рѣку Каму (пермской губерніи) и поплыли по ней вверхъ до устья рѣки Чусовой (той же губерніи). Козакамъ можно было выбрать путь въ Сибирь и по рѣкѣ Камѣ и по рѣкѣ Чусовой. Вверхъ по Камѣ, находился городъ Чердынь (пермской губерніи), и въ немъ сидѣлъ воевода московскій, а вверхъ по Чусовой жили братья Строгановы. Ермакъ Тимоѳеевичъ поворотилъ въ рѣку Чусовую.

На рѣкѣ Чусовой было въ то время много деревень, слободъ, соляныхъ и желѣзныхъ заводовъ, а также городовъ и крѣпостей, принадлежавшихъ именитымъ людямъ, двоюроднымъ братьямъ Максиму и Никитѣ Строгановымъ. Именитые люди Строгановы, со старины получили отъ московскихъ государей грамоты на владѣніе всѣми землями по рѣкѣ Чусовой. Царскими грамотами разрѣшено было Строгановымъ, заводить слободы, плавить желѣзную руду, варить соль, строить крѣпости, содержать пушкарей и весь снарядъ огненный (артиллерію); а также принимать къ себѣ на службу всѣхъ людей вольныхъ; отражать нападенія татаръ сибирскихъ, облагать данью народы сибирскіе и защищать исправныхъ плательщиковъ отъ нападеній вражескихъ.

По богатству своему были братья Строгановы, въ то время, что ни на есть первые люди по всему государству русскому; только и не доставало у нихъ иногда народу ратнаго, чтобы обезопасить свои заводы и города отъ нападеній

князьковъ сибирскихъ; а потому и писали не разъ братья Строгановы на Волгу и Донъ, въ вольныя станицы козацкія, и призывали храбрыхъ витязей донскихъ и волжскихъ, на подвиги бранные, на защиту восточнаго края христіанства.

Приходили иногда къ Строгановымъ, по ихъ просьбамъ, люди вольные и козаки, но никогда еще не приходило на рѣку Чусовую такой отборной и многочисленной дружины, какую привелъ съ собою атаманъ Ермакъ Тимоѳеевичъ, и никогда не видывали у себя въ гостяхъ Строгановы такого молодца — атамана, каковъ былъ храбрый витязь Ермакъ Тимоѳеевичъ.

Строгановы встрѣтили козаковъ честно и радостно. На рѣкѣ Чусовой козаки отдохнули, и въ благодарность за ласку Строгановыхъ, помогли имъ отразить нападеніе народовъ сибирскихъ; а Ермакъ Тимоѳеевичъ усердно приготовлялся къ дальнѣйшимъ подвигамъ и старательно устроивалъ свою дружину. Братья Строгановы хорошо знали всю пользу покоренія царства сибирскаго, они скоро отличили разумъ и храбрость Ермака Тимоѳеевича, взялись охотно и любовно помогать козакамъ въ ихъ смѣломъ подвигѣ. Братья Строгановы снабдили козаковъ всѣмъ, чѣмъ могли для похода дальняго: отыскали между бѣглыми сибирскими жителями надежныхъ провожатыхъ, знавшихъ сибирскій путь и толмачей, говорившихъ по басурмански, а сверхъ того, присоединили къ дружинѣ козацкой и своихъ людей, человѣкъ около трехъ

сотъ и отдали ихъ подъ крѣпкое начальство Ермака Тимоѳеевича.

Когда всѣ приготовленія походныя были окончены, козаки помолились Богу, взяли провожатыхъ, толмачей, и при звукѣ трубъ воинскихъ, съ пѣснями прощальными, отплыли рѣкою Чусою къ горамъ уральскимъ, на покореніе царства сибирскаго и на изгнаніе съ престола сибирскаго, непріязненнаго султана Кучума.

Всѣхъ воиновъ отплывшихъ съ атаманомъ Ермакомъ Тимоѳеевичемъ было человѣкъ 840. а совершилось это отплытіе въ 1581 году 1-го сентября, въ день преподобнаго Симеона Столпника.

Съ твердою рѣшимостью прославить имя русское, отправилась малая ватага воинская, на покореніе царства обширнаго и малопзвѣстнаго. Отправились козаки безъ всякаго содѣйствія, и даже безъ вѣдома государева надѣясь только на свое дружество, да на разумъ и на мужество своего атамана любезнаго; не страшились козаки ни трудовъ боевыхъ, ни силы враговъ своихъ, татаръ многочисленныхъ. Отплывши благополучно изъ рѣки Чусовой, козаки вступили въ рѣку Серебрянку (пермской губерніи). Въ это время какой-то князекъ сибирскій, напалъ на пограничныя русскія земли, выжегъ и разорилъ многія поселенія и города русскіе, избилъ много людей православныхъ и захватилъ въ слободахъ строгановскихъ множество плѣнниковъ.

Слухъ о новомъ разореніи границъ русскихъ, скоро дошелъ въ Москву до Царя Ивана Василье-

вича Грознаго. Царь Иванъ Грозный сильно прогнѣвался, и прислалъ своимъ воеводамъ и братьямъ Строгановымъ, сердитыя грамоты съ крѣпкимъ царскимъ выговоромъ. Въ грамотахъ своихъ гнѣвныхъ, выговаривалъ царь Грозный братьямъ Строгановымъ за нашествіе князька сибирскаго, обвинялъ Строгановыхъ въ томъ, что они разсорили его, Государя, съ султаномъ Кучумомъ, что они безъ указа царскаго, принимали въ своихъ земляхъ атамановъ донскихъ и козаковъ, промышлявшихъ разбоями. Писалъ Царь Грозный также о томъ, что козакамъ надлежало бы покрыть свою вину, защищая земли русскія, а не слѣдъ имъ идти воевать Сибирь, когда нападаютъ народы сибирскія на земли русскія. Сердитую свою грамоту оканчивалъ Царь Грозный тѣмъ, что повелѣвалъ Строгановымъ возвратить козаковъ изъ Сибири назадъ. Приказывалъ Царь Грозный своимъ воеводамъ и братьямъ Строгановымъ такъ: «Если не исполните указа нашего и не вышлете Ермака Тимоѳеева съ товарищами изъ Сибири назадъ, и случится чрезъ то нашимъ землямъ отъ сибирскихъ народовъ какой нибудь убытокъ, то возложимъ на всѣхъ васъ большую опалу, а козаковъ измѣнниковъ, вмѣстѣ съ ихъ атаманомъ велимъ перевѣшать.» (1)

Получили братья Строгановы и воеводы цар-

---

(1) Ист. Гос. Росс. Т. IX глава VI. стр. 226. Примѣч. 672. Изданіе 5-ое Эйнерлинга.

скіе грамоты государевы, но исполнить повелѣнія Царя Грознаго, воротить Ермака Тимоѳеевича съ товарищами не могли. Покамѣстъ грамоты писались да пересылались, храбрые козаки были ужь далеко.

Шла дружина Ермака Тимоѳеевича вверхъ по рѣкѣ Серебрянкѣ бичевою. Уральскія горы были въ виду. Рѣка Серебрянка, часъ отъ часу становилась мельче и тяжело нагруженныя козацкія лодки, помнутно останавливались, то попадали на песчаныя мели, то на острые камни.

Плыть дальше на лодкахъ сдѣлалось невозможно. Говорятъ, что тутъ придумалъ Ермакъ Тимоѳеевичъ новую штуку. Онъ приказалъ своимъ козакамъ, запрудить рѣку Серебрянку позади своихъ лодокъ и растянуть паруса поперегъ рѣки, на подобіе плотины. Козаки мигомъ сдѣлали изъ парусовъ запруду. Вода вверхъ по Серебрянкѣ поднялась, и лодки козацкія подвинулись впередъ еще на нѣсколько десятковъ верстъ; но тутъ опять повстрѣчались козакамъ сильные пороги, воды въ Серебрянкѣ стало совсѣмъ мало и голые камни высоко торчали изъ воды вверхъ по рѣкѣ. Ермакъ Тимоѳеевичъ отдалъ тогда приказаніе такое: лодки разгрузить и бросить, а взятой на лодкахъ походный провіантъ и военные снаряды, частью навьючить на лошадей, тянувшихъ бичеву, а частью раздѣлить между козаками. Козаки оставили лодки, забрали всѣ запасы и отправились пѣшкомъ, выбравъ дорогу прямо напереваль чрезъ

горы уральскія. Дорогу указывали взятые Ермакомъ Тимоѳеевичемъ у Строгановыхъ проводники, бѣлые сибирскіе жители.

Съ большими трудами перебирались козаки съ горы на гору; бодро шли впередъ, несмотря на тяжести походныя; останавливались отдыхать, то около рѣчекъ горныхъ, быстрыхъ, то около ключей студеныхъ, свѣжихъ; и день за день, все больше и больше подвигаясь къ границѣ сибирской, вышли наконецъ безпрепятственно на маленькую рѣчку Тагилъ. Проводники объявили козакамъ, что переходъ чрезъ уральскія горы кончелъ и что рѣка Тагилъ течетъ въ страну сибирскую.

Ермакъ Тимоѳеевичъ приказалъ своей дружинѣ остановиться и далъ козакамъ время отдохнуть и поправиться. Въ то время росъ на берегу Тагила богатѣйшій строевой лѣсъ. Ермакъ Тимоѳеевичъ зналъ, что весь козацкій путь, вплоть до столицы царства сибирскаго, можетъ быть сдѣланъ водою, а потому и приказалъ: рубить лѣсъ и строить новыя лодки. Охотно и дружно взялись козаки за знакомую работу, скоро срубили лодокъ достаточное количество, спустили ихъ на воду, оснастили ихъ, поставили на нихъ мачты, привязали паруса и надѣлали веселъ. Ермакъ Тимоѳеевичъ самъ, своими глазами прилежно наблюдалъ за всѣми работами. Когда лодки были совсѣмъ окончены, козаки положили въ нихъ всѣ свои запасы, снаряды и оружіе, и снова выправились въ путь водою внизъ по рѣкѣ Тагилу.

Долго плыли козаки по Тагилу и, не встрѣтивши ни одного сибирскаго жителя, выплыли изъ него по добру по здорову въ рѣку Туру (въ нынѣшней тобольской губерніи). Проводники объявили козакамъ, что рѣка Тура протекаетъ по царству сибирскому, и составляетъ границу владѣній султана Кучума.

Козаки поворотили въ рѣку Туру и на мѣстѣ нынѣшняго уѣзднаго города Турииска (тобольской губерніи) встрѣтили на берегу Туры татарскій городъ, принадлежавшій сибирскому князьку Епанчѣ. Князекъ Епанча вышелъ со своими татарами на берегъ и желая остановить лодки козацкія, пускалъ въ козаковъ цѣлыя тучи стрѣлъ. Татарскія стрѣлы плохо долетали до козаковъ и дѣлали козакамъ мало вреда. Козаки выстрѣлили по татарамъ изъ ружей, татары испугались ружейной пальбы, не выдержали первыхъ выстрѣловъ и бѣжали безъ оглядки. Прогнавши татаръ, козаки разорили городокъ князька Епанчи, а также и другія ближайшія селенія татарскія.

На рѣкѣ Турѣ была, значитъ, первая боевая встрѣча козаковъ съ сибирскими татарами. Здѣсь козаки имѣли урону мало; они пополнили свои запасы и получили первую изрядную добычу.

Спускаясь дальше въ низъ по рѣкѣ Турѣ, Ермакъ Тимоѳеевичъ увидѣлъ на берегу Туры при устьи рѣки Тавды (тобольской губерніи) сборище татаръ. Ермакъ Тимофеевичъ тотчасъ высадилъ на берегъ отрядъ козаковъ и приказалъ своимъ

молодцамъ, захватить этихъ татаръ и привести къ нему. Высаженные на берегъ козаки, проворно бросились въ погоню за бѣжавшими со страха татарами, догнали нѣкоторыхъ изъ нихъ и привели ихъ связанныхъ предъ лицо своего атамана.

Ермакъ Тимоѳеевичъ, принялъ плѣнниковъ милостиво, велѣлъ козакамъ ихъ развязать и вступилъ съ татарами въ разговоръ.

Между взятыми въ полонъ татарами, находился одинъ татарскій мурза (по русскому — боярин), и было имя этому мурзѣ — Таузакъ. Распросивши хорошенько Таузака, Ермакъ Тимоѳеевичъ узналъ отъ него все, что было надобно: а именно: гдѣ находится самъ султанъ сибирскій Кучумъ, сколько у султана народа ратнаго, сколько у него дорогихъ мѣховъ и золотой казны и гдѣ всѣ его богатства припрятаны. Узнавши отъ Таузака всѣ подробности, Ермакъ Тимоѳеевичъ отпустилъ плѣннаго мурзу татарскаго и приказалъ ему крѣпко на крѣпко, передать отъ атамана козацкаго сибирскому султану Кучуму поклонъ и приказалъ сказать Кучуму просто на просто, что идетъ на Сибирь войной русскій козакъ Ермакъ, что есть у него товарищи добрые, и что желаетъ козакъ Ермакъ у Кучума царство сибирское отнять; а потому и увѣдомляетъ о томъ султана сибирскаго заранѣе, чтобы онъ Кучумъ приготовился встрѣчать дорогихъ гостей, какъ его султанскому величеству вздумается: или съ хлѣбомъ-солью, или съ саблей вострою.

Обѣщался Таузакъ передать слова Ермака Тимоѳеевича въ точности, распростился съ козаками наскоро, и отправился увѣдомлять своего султана о нашествіи новыхъ и страшныхъ враговъ.

До сихъ поръ шли козаки мѣстами малонаселенными и встрѣчали отъ татаръ сопротивленіе слабое. Непривычные къ ружейной пальбѣ жители сибирскіе разбѣгались при первыхъ козацкихъ выстрѣлахъ, но выйдя изъ рѣки Туры въ рѣку Тоболъ (тобольской губерніи), и спускаясь все дальше визъ по рѣкѣ Тоболу, въ самую сердцевину царства сибирскаго, предстояло козакамъ много сраженій кровопролитныхъ, и тяжело испыталась храбрость козацкая, прежде чѣмъ достигли козаки обладанія надъ страною сибирскою.

Сибирскій султанъ Кучумъ, узнавъ отъ мурзы Таузака о нашествіи врага страшнаго, неожиданнаго, приготовился храбро встрѣтить гостей незванныхъ-непрошенныхъ; отправилъ Кучумъ на встрѣчу Ермаку Тимоѳеевичу, своего сына царевича Маметкула съ многочисленною конницею и приказалъ царевичу прогнать дружину козацкую. Встрѣтился царевичъ Маметкулъ съ Ермакомъ Тимоѳеевичемъ на берегу рѣки Тобола и смѣло понесся конными татарами на пѣшую дружину козацкую. Козаки укрылись отъ

конницы за окопами, на скорую руку, незадолго передъ тѣмъ, сдѣланными, и подпустивши татаръ на близкое разстояніе, открыли по конницѣ маметкуловой частую и мѣткую ружейную пальбу. Не выдержали татары губительной стрѣльбы козацкой, поворотили назадъ и убѣжали съ поля сраженія, оставивъ нѣсколько сотъ тѣлъ, впереди окоповъ козацкихъ.

Побѣдивъ татаръ маметкуловыхъ, располагали козаки безопасно проплыть по рѣкѣ Тоболу и безъ помѣхи вступить въ рѣку Иртышъ; но различные народы сибирскіе собрались на берегу Тобола большими кучами и осыпали стрѣлами лодки козацкія, плывшія по серединѣ рѣки. Стрѣлы непріятельскія падали близь лодокъ во множествѣ, и стали безпокоить дружину козацкую. Ермакъ Тимоѳеевичъ, желая проучить хорошенько непріятеля, придумалъ, говорятъ, такую хитрость. Онъ приказалъ козакамъ поставить на лодки чучелы, одѣтыя въ платья козацкія, оставилъ на лодкахъ только кормщиковъ (рулевыхъ), а самъ, пока недогадливые татары усердно стрѣляли въ чучелы, вышелъ съ своими молодцами на берегъ, напалъ съ тылу на скопища вражескія, разбилъ и разогналъ непріятеля.

Въ шестнадцати верстахъ отъ рѣки Иртыша (тобольской губерніи), на берегахъ озера, называемаго и до сихъ поръ Карачинскимъ, стояло во время похода козацкаго большое селеніе, принадлежавшее сибирскому вельможѣ Карачѣ,

близкому совѣтнику султана Кучума. Ермакъ Тимоѳеевичъ, съ малою для себя потерею, прогналъ татаръ изъ селенія, захватилъ въ немъ знатную добычу и снова пополнилъ свои запасы походные.

Но это еще были цвѣточки, ягодки ожидали козаковъ впереди.

Султанъ сибирскій Кучумъ не унывалъ и никакъ не думалъ отдавать безъ боя своей столицы. Съ большимъ воинствомъ, онъ вышелъ самъ на встрѣчу Ермаку Тимоѳеевичу и 22 октября 1581 года, въ день Казанской Пресвятой Богородицы, козаки имѣли съ татарами битву упорную. Убитыхъ между козаками было мало, но за то перераненыхъ множество. Татары, мало по малу стали привыкать къ ружейной пальбѣ, бились цѣлый день, и только къ вечеру уступили русскимъ побѣду. Ермакъ Тимоѳеевичъ, занялъ на ночь татарскій городокъ Атикъ-Мурзы и расположился въ немъ ночевать. Когда стемнѣло, козаки увидѣли вокругъ себя многочисленные огни непріятельскіе. Впереди козаковъ, устроили татары засѣку, и въ ней, съ отборнымъ своимъ воинствомъ, засѣлъ самъ султанъ Кучумъ; а кругомъ всего городка, расположились татары подъ начальствомъ царевича Маметкула. Окруживши войско русское со всѣхъ сторонъ, татары спозаранку разчитывали на полную, вѣрную побѣду, и изъявляли свою радость громкими криками. Козаки слышали вокругъ себя радостные, непстовые крики непріятеля, и видѣли блескъ его оружія.

Между козаками было много раненыхъ, многіе были изнурены трудами непрестанными, иные ослабѣли отъ ранъ, иные отъ усталости, — и всѣхъ то козаковъ оставалось человѣкъ восемь сотъ, не болѣе; а непріятелей надо было считать десятками тысячъ. Отдаленность отъ отечества, утомленіе послѣ битвы и трудовъ походныхъ, несмѣтныя полчища вражескія, — все это смутило и поколебало козаковъ.

Пріуныли храбрыя сердца козацкія и явились козаки на совѣтъ къ атаману своему Ермаку Тимоѳеевичу.

Объявили козаки атаману, что грозитъ имъ бѣда неминучая, и сказали ему, что не видятъ они себѣ другаго спасенія, а должно имъ, тою же ночью, сѣсть на лодки и поплыть на возвратный путь, въ земли русскія.

Не изъ робкаго десятка былъ атаманъ Ермакъ Тимоѳеевичъ, не любилъ онъ отказываться отъ своихъ замысловъ, не испугался онъ грозныхъ полчищъ татарскихъ, не хотѣлъ осрамить бѣгствомъ постыднымъ имени русскаго. Не растерялся Ермакъ Тимоѳеевичъ передъ бѣдою; разсудилъ Ермакъ Тимоѳеевичъ толкомъ, что идти козакамъ назадъ стыдно, да и опасно, что побѣгомъ не спасетъ онъ козаковъ, а можетъ спасти ихъ одна храбрость, только дружество, да битва безстрашная.

Заговорилъ Ермакъ Тимоѳеевичъ козакамъ-товарищамъ такъ: «Нѣтъ, братцы, намъ идти назадъ

не приходится. Неужто побѣжимъ мы назадъ, дѣла не сдѣлавши? Да и куда мы теперь пойдемъ? Зима уже начинается; рѣки скоро льдомъ покроются, замерзнемъ мы въ снѣгахъ глубокихъ, умремъ мы безъ доброй славы и креста могильнаго, наругаются надъ нашими тѣлами татары некрещенные. А буде, паче чаянія, и отобьемся мы отъ погони татарской, и пройдемъ зимой по холодной странѣ сибирской: то съ чѣмъ же мы, товарищи любезные, возвратимся въ свое отечество? Похвалились мы покорить царство сибирское, похвалились поклониться новымъ царствомъ, своимъ братьямъ—народу русскому, пожелали мы обратить худую славу на добрую. Развѣ козакамъ считать враговъ своихъ передъ битвою? Нѣтъ, не ударитъ лицомъ въ грязь товарищество козацкое предъ татарами погаными! Не отъ многаго воинства побѣда бываетъ, но свыше отъ Бога безстрашнымъ дается. Сразимтесь, братья, дружно и храбро. Дадимъ зарóкъ стоять твердо, хотя до единаго всѣмъ умереть придется. Не выдержатъ татары нашего дружества, разобьемъ мы бусурмановъ на голову, и по смерти нашей память наша не оскудѣетъ и слава наша вѣчная будетъ.»

Согласилась дружина козацкая съ отважными рѣчами своего атамана любимаго и повеселѣло у козаковъ на душѣ.

Такъ-то единый человѣкъ, съ душою великою, можетъ придать мужества цѣлымъ тысячамъ.

Всю ночь козаки готовились къ бою и не ду-

малъ изъ нихъ никто о пораженіи, а всѣ стали надѣяться на побѣду вѣрную. Памятна была ночь на 22-е октября дружинѣ Ермака Тимоѳеевича. Никто изъ козаковъ спать не ложился. Кто осматривалъ ружье, кто точилъ саблю, кто надѣвалъ чистую рубашку. Всѣ козаки готовились на битву и на смерть, какъ на праздникъ великій.

На утренней зарѣ, 23 октября, построилъ Ермакъ Тимоѳеевичъ свою дружину въ воинскій порядокъ, указалъ товарищамъ на засѣку вражескую, и съ громкимъ крикомъ: съ нами Богъ! устремился съ козаками на воинство кучумово. Цѣлая туча стрѣлъ осыпала наступающую дружину козацкую, и многочисленные татары, не дождавшись нападенія, сами вышли на встрѣчу Ермаку Тимоѳеевичу и храбро схватились съ козаками въ рукопашную. Козаки близко сомкнулись другъ къ другу, стали передъ татарами стѣною твердою, непоколебимою, отбивались саблями и копьями; успѣвали заряжать ружья и частыми ружейными выстрѣлами, безъ промаху разили густыя толпы непріятельскія. Татары разсвирѣпѣли, отчаянно хватались за ружья козацкія и вырывали ихъ у козаковъ. Побѣда колебалась, люди падали съ обѣихъ сторонъ. Старый Кучумъ стоялъ на горѣ, не подалеку отъ мѣста битвы, громко взывалъ съ муллами (1) своими къ пророку Магомету и усерд-

---

(1) По татарски мулла означаетъ тоже самое, что по русски священникъ.

но молилъ его даровать побѣду войску бусурманскому. Ермакъ Тимоѳеевичъ все время бился впереди дружины, тяжелымъ мечомъ своимъ неустанно поражалъ непріятеля, и громкими криками: съ нами Богъ! ободрялъ своихъ товарищей. Козаки утомлялись бить врага упорнаго и многочисленнаго; на каждаго воина русскаго приходилось по тридцати бусурмановъ; битва ожесточалась, но безстрашіе и дружество козацкое одержали верхъ. Мѣткая козацкая пуля ранила царевича Маметкула и принудила его покинуть битву. Татары, не видя главнаго вождя своего, пришли въ замѣшательство, а Ермакъ Тимоѳеевичъ смѣло двинулъ свою дружину впередъ, и сильнымъ натискомъ смялъ непріятеля. — Татары не выдержали и побѣжали. Преданные царевичу Маметкулу воины увезли его на другой берегъ Иртыша, а самъ Кучумъ поспѣшно далъ тягу. Полная побѣда осталась за козаками; но Ермакъ Тимоѳеевичъ не досчитался многихъ вѣрныхъ товарищей. Сто семь козаковъ сложили свои головушки, но сложили ихъ съ доброю славою. Въ тобольской соборной церкви и донынѣ поминаются имена христолюбивыхъ воиновъ, павшихъ въ битвѣ 23 октября.

Одержавъ надъ татарами такую знатную побѣду и прогнавъ далеко всѣ толпы непріятельскія, занялъ Ермакъ Тимоѳеевичъ съ дружиною ту самую засѣку, въ которой, еще наканунѣ, гордый Кучумъ располагалъ погубить малочисленную

рать козацкую. Разбитый на голову Кучумъ понялъ послѣ битвы хорошо, что бороться ему съ козаками не подъ силу, и что волей или неволей, а приходится ему уступить царство сибирское простому козаку Ермаку Тимоѳеевичу. Отступивъ въ столицу свою городъ Сибирь, собралъ Кучумъ на скорую руку свое имущество, уложилъ что́ успѣлъ захватить въ кибитки и, съ малымъ числомъ оставшихся около него татаръ, поспѣшно выѣхалъ изъ столицы, — искать въ бѣгствѣ спасенія отъ оружія козацкаго. За Кучумомъ выѣхали изъ города и всѣ жители. Городъ Сибирь опустѣлъ, но Ермакъ Тимоѳеевичъ не зналъ объ этомъ ничего. Козаки снова приготовлялись къ битвѣ и думали, что вотъ тутъ-то, подъ самыми стѣнами сибирскими, и будетъ у нихъ съ татарами новое кровопролитное сраженіе. Козаки отдохнули послѣ славной, но тяжелой побѣды два дня, потомъ осторожно двинулись впередъ и подступили къ стѣнамъ города Сибири. Сопротивленія отъ враговъ не было: городъ былъ пустъ, перепуганные татары бѣжали всѣ до единаго человѣка 26-го октября 1581 года, ровно черезъ семь недѣль послѣ выхода своего изъ рѣки Чусовой, вступилъ Ермакъ Тимоѳеевичъ съ храброю дружиною своею въ столицу сибирскаго царства, городъ Сибирь, а находилась въ то время столица кучумова, на крутомъ берегу рѣки Иртыша, всего только въ 16 верстахъ отъ нынѣшняго губернскаго города Тобольска.

Козаки нашли въ городѣ Сибири великія богатства: мѣха, парчи, серебро, золото, драгоцѣнные каменья, и всю свою добычу раздѣлили между собою по-братски, поровну. Овладѣвши богатою, но пустою столицею, козаки имѣли золото, имѣли соболей, но съѣстныхъ припасовъ не имѣли. Три дни продовольствовалъ Ермакъ Тимоѳеевичъ своихъ воиновъ малыми остатками походныхъ запасовъ, на четвертый день явились въ городъ нѣсколько человѣкъ Остяковъ, съ князькомъ своимъ Боаромъ, поднесли Ермаку Тимоѳеевичу дары, предложили припасы, клялися въ вѣрности и униженно просили милости и покровительства. Ермакъ Тимоѳеевичъ принялъ Остяковъ ласково, принялъ отъ нихъ подарки и запасы, обложилъ князька легкою податью привелъ Остяковъ въ подданство русское, и отпустилъ ихъ безобидно на мѣсто ихъ жительства. Вслѣдъ за этими Остяками приходили въ городъ Сибирь, съ повинною, и другіе жители сибирскія, и со всѣми поступалъ Ермакъ Тимоѳеевичъ милостиво.

Свершивъ знаменитый подвигъ, покоривъ обширное царство, находясь на верху счастія и славы, не возгордился Ермакъ Тимоѳеевичъ своими блестящими успѣхами. Какъ прежде бывало въ бѣдѣ, такъ и теперь при удачѣ, сохранилъ Ермакъ Тимоѳеевичъ все спокойствіе своего разума и всегдашнюю свою разсудительность. О томъ, какія достоинства имѣлъ Ермакъ Тимоѳеевичъ, и какую справедливость наблюдалъ онъ послѣ покоренія

Сибири, краснорѣчивый русскій писатель Карамзинъ, написавшій 12 томовъ исторіи государства россійскаго, разсказываетъ слѣдующее:

«Ермакъ оказалъ себя героемъ неустрашимымъ, «вождемъ искуснымъ, оказалъ необыкновенный «разумъ и въ земскихъ учрежденіяхъ и въ соб- «люденіи воинской подчиненности, вселивъ въ лю- «дей грубыхъ, дикихъ, довѣренность къ новой вла- «сти, и строгостью усмиряя своихъ буйныхъ спод- «вижниковъ, которые, преодолѣвъ столько опасно- «стей въ землѣ, захваченной ими на краю свѣта, «не смѣли тронуть ни волоса у мирныхъ жите- «лей. Пишутъ, что грозный, неумолимый Ермакъ, «жалѣя воиновъ христіанскихъ въ битвѣ, не жа- «лѣлъ ихъ въ случаѣ преступленія и казнилъ ихъ «за всякое ослушаніе, за всякое дѣло студное, ибо «требовалъ отъ дружины не только повиновенія, «но и чистоты душевной, чтобы угодить вмѣстѣ «и царю земному и Царю небесному; онъ ду- «малъ, что Богъ дастъ ему побѣду скорѣе «съ малымъ числомъ добродѣтельныхъ воиновъ, «нежели съ большимъ закоснѣлыхъ грѣшни- «ковъ; и козаки его, по сказанію лѣтописцовъ, «и въ пути и въ столицѣ сибирской, вели жизнь «цѣломудренную, сражались и молились.»

Оставшись зимовать въ городѣ Сибири, и видя къ себѣ покорность ото всѣхъ окрестныхъ жите-

лей. козаки безъ опасенія начали отлучаться изъ города и часто ловили рыбу въ рѣкѣ Иртышѣ. Но татары были разбиты, а злоба ихъ не была уничтожена. Раненый Маметкулъ, оправясь отъ раны своей, не прекращалъ ненависти къ русскимъ и, во что бы то ни стало, хотѣлъ отомстить козакамъ. Улучивъ удобную минуту, онъ подстерегъ 20 человѣкъ козаковъ, далеко отошедшихъ отъ города и ловившихъ рыбу въ Иртышѣ, безо всякой воинской предосторожности. Царевичъ Маметкулъ, напалъ со своими татарами на безоружныхъ козаковъ и безжалостно умертвилъ ихъ всѣхъ до послѣдняго.

Узнавши объ убійствѣ козаковъ, Ермакъ Тимоѳеевичъ крѣпко разгнѣвался. Онъ наскоро собралъ дружину и бросился въ погоню за татарами, догналъ ихъ, разбилъ, и съ лихвою отплатилъ имъ за смерть своихъ несчастныхъ товарищей; но главнаго виновника, царевича Маметкула, Ермакъ Тимоѳеевичъ отыскать не могъ. Татары были наказаны, но царевичъ Маметкулъ скрылся. Ермаку Тимооеевичу этого было мало, онъ непремѣнно желалъ наказать царевича, какъ самаго опаснаго и самаго непримиримаго врага русскихъ. Возвратясь изъ погони, началъ Ермакъ Тимоѳеевичъ, у покорившихся татаръ распрашивать о томъ, не знаютъ ли они, гдѣ кочуетъ царевичъ Маметкулъ и далеко ли онъ бродитъ отъ столицы? Одинъ усердный къ Ермаку Тимоѳеевичу татаринъ, увѣдомилъ атамана, что царевичъ

Мамсткулъ находится около рѣчки Вагай (тобольской губерніи) и снова замышляетъ съ толпами татарскими жестокія нападенія на козаковъ.

Ермакъ Тимоѳеевичъ вздумалъ предупредить Маметкула. Отобравъ самыхъ лучшихъ шестьдесятъ удальцовъ, Ермакъ Тимоѳеевичъ назначилъ надъ ними начальника, вѣрнаго своего сподвижника, отважнаго атамана Ивана Кольца, и приказалъ Ивану Кольцу: отыскать царевича Маметкула, схватить его и привезти въ городъ Сибирь, живаго или мертваго.

Атаманъ Иванъ Кольцо, съ храбрыми товарищами, осторожно подкрался къ становищу маметкулову, терпѣливо выждалъ ночи и напалъ на сонныхъ татаръ въ-расплохъ. Татары защищались храбро, но удаль казацкая взяла свое. Козаки убили многихъ татаръ, а царевича Маметкула взяли въ плѣнъ и представили его живьемъ къ атаману своему главному, Ермаку Тимоѳеевичу.

Обошелся Ермакъ Тимоѳеевичъ съ царевичемъ Маметкуломъ ласково и оставилъ его у себя заложникомъ. Въ старое время, сибирскіе татары, по звѣрскимъ своимъ обычаямъ, постоянно убивали своихъ плѣнниковъ: а потому, удивились тогда татары немало, когда узнали, что Ермакъ Тимоѳеевичъ пощадилъ своего жестокаго врага, царевича Маметкула. Козаки были не татары; по русской пословицѣ: *лежачаго не бьютъ*, козаки никогда не убивали своихъ безоружныхъ плѣнниковъ. А сверхъ того, Ермакъ Тимоѳеевичъ лучше

татаръ понималъ, что плѣнный царевичъ Маметкулъ будетъ для дѣла козацкаго не въ примѣръ полезнѣе живой, нежели мертвый.

Послѣдствія покажутъ, что Ермакъ Тимоѳеевичъ не ошибся.

Старый сибирскій султанъ Кучумъ весьма сожалѣлъ о своемъ сынѣ, царевичѣ Маметкулѣ, боялся прогнѣвить Ермака Тимоѳеевича, и опасаясь за участь царевича, долгое время оставлялъ козаковъ въ покоѣ.

Сдѣлавшись полнымъ обладателемъ Сибири, Ермакъ Тимоѳеевичъ не посылалъ еще вѣсти въ Москву къ Государю Ивану Грозному о знатныхъ побѣдахъ своихъ надъ султаномъ Кучумомъ и о покореніи подъ державу русскую новаго царства. Ермакъ Тимоѳеевичъ не любилъ хвастаться преждевременно; онъ хотѣлъ сперва утвердить прочно русское владычество въ Сибири, а также собрать для Царя Русскаго дань приличную, — и для того-то предпринялъ Ермакъ Тимоѳеевичъ походы дальніе, осмотрѣлъ новое царство, доходилъ до рѣки Оби (1); прошелъ странами, до той поры неизвѣстными, обложилъ народы сибирскіе царскою податью, привелъ ихъ въ подданство русское, принялъ отъ нихъ клятвы въ вѣрности Царю Русскому и собралъ для Государя Ивана Грознаго дань немаловажную.

---

(1) Рѣка Обь — одна изъ главныхъ сибирскихъ рѣкъ, впадающая въ Ледовитый Океанъ

Когда Ермакъ Тимоѳеевичъ разсчиталъ, что царство сибирское покорено имъ твердо и нерушимо, тогда онъ назначилъ отъ себя пословъ въ Москву, къ Царю Ивану Васильевичу Грозному. Для отвоза къ Царю своихъ грамотъ и дани сибирской, однимъ словомъ, главнымъ посломъ своимъ, отправилъ Ермакъ Тимоѳеевичъ своего любимаго атамана Ивана Кольца, того самаго Кольца, который, не разъ былъ осужденъ на смертную казнь прежними царскими грамотами. Удостоенный чести быть посломъ войска козацкаго, смѣло отправился Иванъ Кольцо въ Москву, предъ грозные очи царя московскаго, на судъ или на милость Царя Ивана Васильевича. На узкихъ саночкахъ, запряженныхъ оленями и собаками, пустились съ Иваномъ Кольцомъ пятдесятъ человѣкъ козаковъ, по пути неизвѣстному, по дорогамъ непроложеннымъ. Вьюги жестокія, снѣга глубокіе, непроходимые, злая стужа зимняя, сибирская, все легко могло погубить отважныхъ путниковъ; да и хищнымъ, вѣроломнымъ татарамъ, не трудно было подстеречь и ограбить пословъ ермаковыхъ, въ обширныхъ пустыняхъ сибирскихъ. Много перенесъ тяжелыхъ трудовъ и путевыхъ опасностей атаманъ Иванъ Кольцо съ товарищами, много разъ отчаявались козаки въ своемъ предпріятіи, пробыли въ дорогѣ безъ малаго цѣлый годъ; но Богъ помиловалъ терпѣливыхъ путниковъ,—и Иванъ Кольцо съ товарищами благо-

получно прибылъ въ Москву, удостоился предстать предъ лицо Царя Ивана Грознаго и вручилъ Царю грамоту козака Ермака Тимоѳеевича и при грамотѣ дань сибирскую: шестьдесятъ сороковъ соболей (2,400), двадцать лисицъ чернобурыхъ и пятдесятъ бобровъ.

О томъ, какъ явились въ Москву послы ермаковы бить челомъ Царю Ивану царствомъ сибирскимъ, драгоцѣнными соболями, черными лисицами и бобрами, а также и о томъ, какъ они были приняты Царемъ Грознымъ самодержавнымъ, и какую радость доставили всему народу русскому, тотъ же краснорѣчивый историкъ Карамзинъ разсказываетъ въ своей исторіи такъ:

«Давно не бывало такого веселья въ Москвѣ «унылой: Государь и народъ воспрянули духомъ. «Слова: «новое царство послалъ Богъ Россіи!» съ «живѣйшею радостью повторялись во дворцѣ и на «Красной площади. Звонили въ колокола, пѣли «молебны благодарственные, какъ въ счастливые «времена Іоанновой юности, завоеваній царствъ «казанскаго и астраханскаго. Молва увеличивала «славу подвига: говорили о безчисленныхъ воин«ствахъ, разбитыхъ козаками, о множествѣ наро«довъ, ими покоренныхъ, о несмѣтномъ богатст«вѣ, ими найденномъ. Казалось, что Сибирь упа«ла тогда съ неба для Россіи; забыли ея дав«нишнюю извѣстность и самое подданство, что«бы тѣмъ болѣе славить имя Ермака. Опала сдѣ«лалась честью, оглашенный преступникъ Иванъ

«Кольцо, смиренно наклоняя повинную свою го-«лову предъ Царемъ и боярами, слышалъ ми-«лость, хвалу и имя добраго витязя».

Царь Иванъ Васильевичъ Грозный дарилъ пословъ деньгами, суконами; пожаловалъ Ермаку Тимофеевичу двѣ брони, серебряный кубокъ и шубу съ плеча царскаго. Царь Иванъ написалъ козакамъ, — вѣчное забвеніе старыхъ ссоръ и вѣчную благодарность народа русскаго, за ихъ важную услугу для Россіи. Ермаку Тимоѳеевичу приказывалъ Царь быть главнымъ въ Сибири начальникомъ и утверждать въ землѣ сибирской порядокъ и власть государеву. Для большей чести Ермаку Тимоѳеевичу, называлъ его Государь, въ своей милостивой грамотѣ, не простымъ козакомъ, а атаманомъ — княземъ сибирскимъ (1).

Отправивъ пословъ своихъ въ Москву, и долго не получая никакого извѣстія, не зная при томъ, дошло ли его посольство до Царя Грознаго и чѣмъ-то порадуетъ его Царь Иванъ Васильевичъ, Ермакъ Тимоѳеевичъ все таки не унывалъ, а сохранялъ твердость души своей обыкновенную. Въ ожиданіи пословъ, ходилъ Ермакъ Тимоѳеевичъ въ различныя отдаленныя земли сибирскія, приводилъ, разсѣянные на обширныхъ пространствахъ народы и племена азіатскія, подъ вѣчное влады-

---

(1) Ист. Госуд. Росс. Т. IX, глава V, стр. 236. Примѣч. 709.

чество русское; получалъ съ однихъ дань старую, налагалъ на другихъ подать новую, творилъ судъ и расправу, наблюдалъ во всемъ строгую справедливость, и благополучно возвратился изъ похода своего въ городъ Сибирь.

Прошло полтора года съ тѣхъ поръ, какъ отправился въ Москву посломъ атаманъ Иванъ Кольцо. Ни слуху, ни духу о послахъ не было. Дружина козацкая отъ трудовъ ратныхъ, отъ болѣзней да отъ ранъ уменьшилась на половину. Терпѣливый и непоколебимый духомъ Ермакъ Тимоѳеевичъ начиналъ безпокоиться объ участи своихъ пословъ.

Наконецъ, по веснѣ 1584-го года, воротился изъ Москвы посолъ козацкій Иванъ Кольцо съ товарищами и привезъ козакамъ государево жалованье и дары милостивые, а атаману князю Ермаку Тимоѳеевичу подарки царскіе богатые и почетную царскую грамоту. Вмѣстѣ съ атаманомъ Иваномъ Кольцомъ, прибылъ въ Сибирь и воевода московскій, присланный съ людьми ратными, на помощь атаману князю Ермаку Тимоѳеевичу.

Радостно встрѣтили козаки своихъ пословъ-товарищей, а также и воеводу царскаго, и присланныхъ на подмогу стрѣльцовъ московскихъ. Козаки угощали своихъ новыхъ товарищей на славу, дарили ихъ мѣхами дорогими, и приготовлялись къ новымъ отважнымъ подвигамъ. И было тогда въ городѣ Сибири веселіе великое.

Веселъ былъ и князь-атаманъ Ермакъ Тимоѳее-

вичъ, только одно приказаніе царское и огорчало его. Было то приказаніе царское прислано съ воеводою московскимъ и заключалось оно въ томъ, чтобы выслалъ атаманъ-князь Ермакъ Тимоѳеевичъ въ Москву немедленно, плѣннаго сибирскаго царевича Маметкула. Пока держалъ Ермакъ Тимоѳеевичъ царевича при себѣ и обходился съ нимъ милостиво, бывшій султанъ сибирскій Кучумъ опасался прогнѣвить Ермака Тимоѳеевича, не смѣлъ безпокоить и нападать на козаковъ. Отправляя же царевича Маметкула въ Москву, лишался атаманъ-князь хорошаго заложника и располагалъ навѣрное, что старый Кучумъ сильно озлобится за отправку сына и надѣластъ козакамъ много пакостей. Но отдавши своему Государю цѣлое царство, не захотѣлъ Ермакъ Тимоѳеевичъ, на первыхъ же порахъ, ослушаться приказанія царскаго. Оставить же царевича Маметкула при себѣ и начать о немъ переписку съ Москвою, было дѣло очень долгое, да пожалуй и опасное. Вѣдь почемъ можно знать, не ровенъ бываетъ часъ, чтобы могъ сказать Царь Грозный самодержавный, за такую проволочку и за такое самовольство козацкое?

Скрѣпивъ сердце, видя явный козацкому дѣлу убытокъ, отправилъ Ермакъ Тимоѳеевичъ, согласно приказанію царскому, царевича Маметкула въ Москву.

Что́ ожидалъ атаманъ-князь Ермакъ Тимоѳеевичъ, то́ доподлинно и случилось.

Бывшій сибирскій султанъ Кучумъ, провѣдавъ объ отправкѣ своего сына въ Москву, пришелъ въ великій гнѣвъ и въ ярость великую. Располагая своимъ разумомъ такъ, что Ермакъ Тимоѳеевичъ, одинъ, всему тому дѣлу причиною, поклялся Кучумъ вѣчно мстить Ермаку Тимоѳеевичу. Въ злобѣ своей, Кучумъ снова началъ вооружать татаръ сибирскихъ противъ козаковъ. Кучумъ непрестанно толковалъ своимъ татарамъ, что всѣ горести ихъ происходятъ отъ русскихъ пришельцовъ, и наущалъ татаръ не щадить козаковъ. Подъученные Кучумомъ татары взбунтовались и поклялись умертвить всѣхъ козаковъ безъ остатка.

Непріязненныя свои дѣйствія начали татары изъ-подтишка. Чуть только козаки неосторожно удалялись отъ города, татары ихъ подкарауливали, нападали на нихъ съ многочисленными силами и безчеловѣчно умерщвляли. Гдѣ могли татары одолѣть открытою силою, тамъ брали силою; а гдѣ татары думали, что ихъ сила не возьметъ, тамъ старались одолѣть козаковъ хитростью. Первымъ погибъ, чрезъ измѣну татарскую, бывшій посолъ козацкій, и вѣрный другъ Ермака Тимоѳеевича, отважный атаманъ Иванъ Кольцо. Завели измѣнники татары Ивана Кольца съ сорока́ его товарищами въ засаду, напали на козаковъ толпою многочисленною и безжалостно умертвили ихъ всѣхъ до послѣдняго. Услыхавъ про убійство лучшихъ своихъ козаковъ и про погибель своего друга и сподвижника любимаго, атамана Ива-

на Кольца, твердый духомъ атаманъ-князь Ермакъ Тимоѳеевичъ не выдержалъ, прослезился и зарыдалъ, какъ малый ребенокъ. Измѣна татарская придала Кучуму смѣлости пуще прежняго. Возстали татары на козаковъ поголовно, обступили несмѣтными полчищами городъ Сибирь и осадили въ немъ Ермака Тимоѳеевича со всею его дружиною. Обложивши городъ Сибирь войсками, не допускали татары къ козакамъ никакого продовольствія, и располагали между собой такъ: чтобы уморить козаковъ смертью голодною.

Атаманъ-князь Ермакъ Тимоѳеевичъ могъ бы дѣлать противъ татаръ вылазки, но жалѣлъ своей дружины малочисленной, а татары измѣнники не подступали близко къ стѣнамъ города Сибири и пули козацкія до татаръ не достигали. Такими порядками, безъ всякаго большаго сраженія, продолжалась эта осада четыре мѣсяца. Не имѣя больше въ городѣ ни единаго зерна продовольствія, и видя кругомъ себя гибель и смерть неминучую, не подумалъ атаманъ-князь Ермакъ Тимоѳеевичъ сдаваться врагу несмѣтному, а рѣшился на дѣло отважное, отчаянное.

Ночью на 21-ое іюля 1584 года, отобралъ Ермакъ Тимоѳеевичъ отрядъ козаковъ самыхъ надежныхъ, далъ имъ въ начальники атамана Матвѣя Мещеряка, и послалъ ихъ на бой съ татарами: а самъ, съ остальными товарищами, остался охранять столицу сибирскую.

Вышли козаки изъ крѣпости въ-тихомолку, скрытно подкрались къ стану вражескому, незамѣченными прошли сквозь обозы татарскіе и напали на сонныхъ татаръ съ криками громкими.

Переполошились татары: иные бѣжали со страху куда ни попало, иные защищались отчаянно. Рубились козаки съ татарами всю ночь до самаго свѣта. Увидали татары поутру, что было противъ нихъ козаковъ небольшое количество; ободрились татары, и свѣжія, многочисленныя толпы непріятельскія смѣло нахлынули со всѣхъ сторонъ на усталыхъ козаковъ. Козаки отступили немного, засѣли въ обозъ татарскій, загородили себя кибитками, и мѣткою ружейною пальбою, жестоко разили непріятеля; татары дрогнули, а козаки снова вышли изъ-за обоза, напали на татаръ мужественно, множество враговъ положили на мѣстѣ, а остальныхъ загнали въ степи. Прогнавъ непріятеля, козаки съ торжествомъ возвратились въ городъ Сибирь, и получили добрую похвалу отъ атамана-князя Ермака Тимоѳеевича.

Послѣ такого сильнаго разгрома, взбунтовавшіеся татары снова покорились. Власть Царя Русскаго упрочилась надъ Сибирью крѣпче прежняго; но Ермакъ Тимоѳеевичъ не удовольствовался тѣмъ, что разбилъ и прогналъ мятежныхъ татаръ. Въ страхъ непріятелю и для будущей своей безопасности, не смотря на малое число козаковъ, предпринялъ Ермакъ Тимоѳеевичъ новый походъ на востокъ царства сибирскаго; прошелъ съ своею

дружиною по землямъ дальнымъ, разбилъ и усмирилъ князьковъ татарскихъ, встрѣчавшихъ козаковъ непріязненно; вездѣ ужасалъ непокорныхъ враговъ местію суровою, но щадилъ жителей мирныхъ и безоружныхъ.

Поддержавъ славу оружія русскаго, и возстановивъ въ землѣ сибирской спокойствіе, возвратился атаманъ-князь въ городъ Сибирь съ богатою добычею.

Много разъ побѣжденный, но все таки непокорный, султанъ Кучумъ не хотѣлъ оставлять козаковъ въ покоѣ и злобно придумывалъ тысячи хитростей, чтобы снова залучить козаковъ вдаль отъ города и заманить ихъ въ какую нибудь засаду. Нѣсколько человѣкъ покорившихся атаману-князю татаръ, подъученные Кучумомъ, пришли къ Ермаку Тимоѳеевичу, съ притворною на султана Кучума жалобою, что снова появился бѣглый султанъ въ окрестностяхъ города Сибири, что расположился Кучумъ неподалеку отъ рѣки Вагая, и что не пропускаетъ онъ въ Сибирь бухарскихъ купцовъ съ товарами.

Ермакъ Тимоѳеевичъ немедленно отобралъ пятьдесятъ исправныхъ молодцовъ, самъ сѣлъ съ ними въ лодки и отправился по рѣкѣ Иртышу въ рѣку Вагай, чтобы отыскать караваны бухарскіе и прогнать бѣглаго султана сибирскаго. Искалъ Ермакъ Тимоѳеевичъ татаръ и бухарцовъ понапрас-

но: онъ нигдѣ не могъ отыскать ни тѣхъ, ни другихъ. Въ неудачныхъ поискахъ прошелъ цѣлый день. Дѣло было къ вечеру. Не желая много удаляться отъ столицы, поворотилъ Ермакъ Тимоѳеевичъ свои лодки назадъ. Наступила темная осенняя ночь, пошелъ проливной дождь, заревѣлъ сильный вѣтеръ, рѣка забушевала; волны Вагая, вздымаемыя страшными порывами вѣтра, запѣнились и закипѣли. Все предвѣщало жестокую бурю. Утомленные дневными трудами козаки пристали къ небольшому острову, близъ впаденія рѣки Вагая въ рѣку Иртышъ, прикрѣпили лодки къ островку, вышли сами на берегъ, раскинули шатры и расположились почевать. Думая, что рѣка Вагай кругомъ острова глубока, и зная, что у Кучума не было лодокъ, козаки не поставили часовыхъ, и усталые, измученные ѣреблею, заснули крѣпкимъ сномъ.

Но султанъ Кучумъ не спалъ. Онъ цѣлый день скрытно слѣдилъ за всѣми малѣйшими движеніями козаковъ. Когда же Кучумъ узналъ, что Ермакъ Тимоѳеевичъ съ товарищами расположился почевать на островкѣ, тогда, не смотря на жесточайшую бурю, отправилъ Кучумъ своихъ татаръ отыскивать къ острову бродъ. Одинъ изъ татаръ кучумовыхъ нашелъ бродъ, перебрался на островъ, тихо подползъ къ шатрамъ козацкимъ и увидалъ козаковъ крѣпко спящихъ, даже не охраняемыхъ часовыми. Татаринъ осторожно обошелъ весь станъ Ермака Тимоѳеевича, утащилъ у без-

печныхъ козаковъ три ружья съ лядунками, проворно возвратился назадъ къ Кучуму и доложилъ ему, что козаки спятъ крѣпко, и что нѣтъ около нихъ стражи, а въ доказательство своихъ словъ, представилъ Кучуму три козацкихъ ружья съ лядунками. Заиграло тогда сердце кучумово злою радостью. Тотчасъ же перебрался онъ черезъ рѣку въ бродъ, вышелъ на островъ, тихо подкрался съ татарами къ шатрамъ козацкимъ, напалъ на сонныхъ безоружныхъ козаковъ и перерѣзалъ ихъ всѣхъ. Только одинъ Ермакъ Тимоѳеевичъ пробудился. Услыхавъ звукъ оружія и стоны умирающихъ, быстро схватился Ермакъ Тимоѳеевичъ за свой мечь тяжелый, сильными ударами меча поразилъ ближайшихъ татаръ, громко кликнулъ къ себѣ козаковъ-товарищей, но товарищи ему не откликнулись: всѣ товарищи его лежали мертвые. Стояли предъ нимъ злые татары во множествѣ, а около него не было товарища ни единаго. Ища себѣ спасенія, какъ яростный левъ, бросился Ермакъ Тимоѳеевичъ на татаръ многочисленныхъ, проложилъ себѣ дорогу къ берегу, хотѣлъ перепрыгнуть въ лодку, но оступился въ темнотѣ — и упалъ съ крутаго берега въ рѣку Иртышъ. Тяжелая желѣзная кольчуга, подарокъ Царя Ивана Грознаго (1), опустила могучаго воина на дно.

---

(1) Ист. Госуд. Росс. Т. IX глав. VI, стр. 240, 5-е изд. Эйнерлинга.

Такъ погибъ атаманъ-князь Ермакъ Тимоѳеевичъ на 6-ое августа 1584-го года; но слава его не погибла. Покоренная имъ Сибирь навсегда присоединилась къ Россіи и черезъ два года послѣ преждевременной кончины атамана-князя, богатая Сибирь присылала въ Москву ежегодной дани: пять тысячъ сороковъ соболей, (200,000); десять тысячъ лисицъ черныхъ, и пятьсотъ тысячъ бѣлокъ, не считая бобровъ и горностаевъ. Заслуги и достоинства Ермака Тимоѳеевича были высоко оцѣнены еще при жизни его, и что всего важнѣе, утверждены и награждены доброю памятью благодарнаго потомства.

Церковь наша православная, историки, стихотворцы отечественные, всѣ — добрымъ словомъ вспоминаютъ имя простаго донскаго козака Ермака Тимоѳеевича.

Въ тобольской соборной церкви, донынѣ ежегодно гласится вѣчная память доблестному витязю Ермаку Тимоѳеевичу съ храбрыми его товарищами.

Историкъ Карамзинъ описываетъ подвигъ Ермака Тимоѳеевича такими словами:

«Ермакъ погибъ безвременно, но совершивъ главное дѣло: ибо Кучумъ, зарѣзавъ сорокъ девять сонныхъ козаковъ, уже не могъ отнять сибирскаго царства у великой державы, которая единожды навсегда признала оное своимъ достояніемъ. Ни современники, ни потомство не думали отнимать у Ермака полной чести сего завое-

ванія, величая доблесть его не только въ лѣтописаніяхъ, но и въ святыхъ храмахъ, гдѣ мы и нынѣ торжественно молимся за него и за дружину храбрыхъ, которые вмѣстѣ съ нимъ пали на берегахъ Иртыша. Тамъ (въ Сибири) имя сего витязя живетъ и въ названіи мѣстъ и въ преданіяхъ пустыныхъ, тамъ самыя бѣдныя жилища украшаются изображеніемъ *атамана-князя.*»

Другой отечественный писатель, стихотворецъ Дмитріевъ, лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ, изображалъ достоинства Ермака Тимоѳеевича въ слѣдующихъ стихахъ:

«Миръ праху твоему Ермакъ!
«Да увѣнчаютъ Россіяне
«Изъ злата вылитый твой зракъ,
«Изъ ребръ Сибири источенна
«Твоимъ булатнымъ копіемъ....
«. . . . . .
«. . . . . .
«. . . . . .
«Великій! гдѣбъ ты не родился,
«Хотя бы въ варварскихъ вѣкахъ,
«Твой подвигъ жизни совершился,
«Хотябъ изчезъ твой самый прахъ;
«Хотябъ сыны твои, потомки,
«Забывъ дѣянья предка громки,
«Скитались въ дебряхъ и лѣсахъ
«И жили съ алчными волками.
«Но ты, великій человѣкъ,
«Пойдешь въ ряду съ полубогами

«Изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ;
«И славы лучь твоей затмится,
«Когда померкнетъ жизни свѣтъ
«И небо на косу падетъ!»

Наконецъ, спустя слишкомъ двѣсти пятьдесятъ лѣтъ со времени кончины Ермака Тимоѳеевича, удостоился онъ отъ благодарнаго отечества новой величайшей награды.

Въ губернскомъ городѣ Тобольскѣ, въ шестнадцати верстахъ отъ развалинъ прежней столицы сибирской, на крутомъ берегу Иртыша, воздвигнутъ на память отдаленнымъ потомкамъ, въ честь Ермака Тимоѳеевича, мраморный памятникъ на гранитномъ подножьи. Вышина всего памятника, съ подножіемъ, $7^1/_2$ сажень, а вѣсу до 12 тысячъ пудовъ. Со всѣхъ четырехъ сторонъ памятника вырѣзаны изъ мрамора слѣдующія надписи:

На западной сторонѣ памятника, обращеной къ родинѣ Ермака Тимоѳеевича, къ мѣстамъ, гдѣ онъ проводилъ свою молодость и откуда предпринялъ на Сибирь свой знаменитый походъ, вырѣзана надпись: *Покорителю Сибири Ермаку*. На южной сторонѣ памятника вырѣзана цифра *1581*, означающая тотъ достопамятный годъ, когда Ермакъ Тимоѳеевичъ пришелъ къ городу Сибири и покорилъ его. На сѣверной сторонѣ памятника вырѣзана изъ камня цифра *1584*. Въ этомъ году Ермакъ Тимоѳеевичъ погибъ преждевременною смертью. На

восточной сторонѣ памятника находится надпись: *Воздвигнутъ въ 1839-мъ году.*

И такъ церковь наша русская, историки и стихотворцы русскіе и весь народъ русскій,—всѣ высоко почитаютъ подвиги Ермака Тимоѳеевича, и всегда съ похвалою произносятъ его простое имя.

Ни богатство отцовское, ни служба придворная, ни знаменитость рода не были причиною столь великой славы Ермака Тимоѳеевича; одни только достоинства душевныя, природный разумъ, непоколебимое мужество и сильное стремленіе къ подвигамъ похвальнымъ возвеличили славу атамана-князя сибирскаго.

Пройдутъ еще столѣтія, но имя донскаго казака Ермака, родившагося простолюдиномъ, не будетъ позабыто, а переживетъ въ отдаленномъ потомствѣ весьма многія имена, знатныя одною родовитостью.

И. Троицкій

Библиотека Тобольскаго
Гос. Музея инв. № 11318